

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Механизмы разрешения коллизий в международном вексельном праве: опыт стран Женевской и англо-американской вексельных систем

Выговский А.И.

В статье освещаются вопросы коллизионного регулирования вексельных правоотношений, осложненных иностранным элементом. Автор выделяются основные группы коллизий, возникающих в сфере международного вексельного обращения, и исследуются особенности их разрешения в законодательствах стран Женевской и англо-американской систем вексельного права. Для сопоставления подходов такого регулирования автором анализируются положения Женевской конвенции, имеющей целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных векселях и простых векселях 1930 г., английского Закона о переводных векселях 1882 г., отечественные и зарубежные доктринальные источники, касающиеся вопросов вексельного коллизионного права. В статье выделяются основные расхождения в нормативном регулировании и правоприменительной практике стран данных систем вексельного права, касающиеся решения коллизионных вопросов, и дается комментарий причин их возникновения.

Ключевые слова: переводной вексель; простой вексель; международное частное право; коллизионное регулирование; индоссамент.

---

* Выговский Александр Игоревич – к.ю.н., доцент кафедры международного частного и таможенного права Института международных отношений Киевского национального университета имени Т. Шевченко. aleks5@ukr.net.

Пожалуй, ни одна другая ценная бумага в международном обращении не ставит столько острых коллизионных вопросов, как вексель. Различия мест выдачи, индоссирования, авалирования, акцепта, платежа по векселю, личных законов сторон вексельных правоотношений могут обуславливать конкуренцию правопорядков, а нормы вексельных законодательств все еще разнятся в вопросах вексельной правоспособности, формальной действительности векселя, прав и обязанностей сторон, форм, сроков и способов совершения вексельных актов. Источники коллизионного регулирования международных вексельных правоотношений неодинаковы в разных системах вексельного права: в странах, принадлежащих к женеvской системе, действует Женевская конвенция, имеющая целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных векселях и простых векселях от 7 июня 1930 г. (далее – Конвенция о вексельных коллизиях), а в странах англо-американской системы вексельного права выработаны национальные коллизионные нормы вексельного права. В данной статье мы рассмотрим механизмы разрешения коллизий в сфере международного вексельного обращения, применяемых в странах женеvской и англо-американской систем вексельного права с целью выявления их общих черт и основных различий.

Всю совокупность коллизионных вопросов, возникающих в сфере вексельного обращения, можно условно разделить на пять основных групп:

- коллизии вопросов вексельной правоспособности (способности лица обязываться по векселю);
- коллизии формы вексельных обязательств;
- коллизии вопросов содержания и действия вексельных обязательств;
- коллизии вопросов выполнения и последствий невыполнения вексельных обязательств;
- коллизии сроков вексельной давности.

Вексельное коллизионное право базируется на трех основных коллизионных принципах, которые применяются к разным его аспектам: принципе личного закона вексельного должника (*lex personalis*), принципе места возникновения вексельного обязательства (совершения вексельного акта) (*lex loci actus*) и принципе места выполнения такого обязательства (*lex loci solutionis*). Рассмотрим специфику их соотношения в механизме коллизионно-правового регулирования вексельных правоотношений в странах женеvской системы вексельного права.

В теории вексельного права принято различать активную вексельную правоспособность как способность приобретать право, вытекающее из векселя, и пассивную – способность лица обязываться по векселю¹. Именно пассивная вексельная правоспособность является объектом коллизионного регулирования. Доктринальные и нормативные подходы в этой сфере вексельного коллизионного права всегда отличались неоднозначностью.

Так, Н.О. Нерсесов в свое время подчеркивал, что необходимо различать недействительность векселя ввиду отсутствия общегражданской дееспособности и ввиду отсутствия специальной векселеспособности, предлагая в последнем случае рассматривать выданный вексель как обычный долговой документ, который должен регулироваться нормами гражданского права². Применение принципа *lex personalis* стало исторически первым способом решения данной коллизии, поскольку в доктрине неоднократно подчеркивалось, что право лица обязываться по векселям, представляя собой лишь проявление общегражданской способности вступать в обязательства, определяемой преимущественно личным законом, должно также нормироваться вексельным законом государства данного лица³.

Вместе с тем Н. Миловидов отмечал расхождения в подходах разных законодательств относительно решения данного вопроса: если итальянское и французское законодательства придерживались принципа национальности, то немецкое приняло за основу дифференцированный подход – для гражданина Германии вексельная правоспособность должна была определяться исключительно немецким правом, независимо от места выдачи векселя, а для иностранца ст. 84 Германского вексельного устава предусматривает как генеральную коллизионную привязку (по общему правилу вексельная правоспособность такого лица определяется законом государства, к которому он принадлежит), так и субсидиарную (он несет ответственность по вексельному обязательству, принятому на территории Германии, если по немецкому закону он имеет вексельную правоспособность независимо

---

¹ Миловидов Н. Вексельное право. Сравнительно-критический очерк. Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1876. С. 36–37.

² Нерсесов Н.О. Торговое право. Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву: Посмертное издание. М.: Типография «Рассвет», 1896. С. 220–221.

³ Федоров А.Ф. Вексельное право. С приложением высочайше утвержденного, 27 мая 1902 года, Устава о векселях. Одесса: «Экономическая» типография, 1906. С. 102.

от предписаний своего личного закона)⁴. Аналогичная по смыслу норма предполагалась и ст. 82 Устава о векселях Российской Империи в редакции 1902 г., причем специальный принцип *lex loci actus* применялся независимо от «национальности» сторон вексельных правоотношений, а также от того, знал ли приобретатель векселя об ограничении векселеспособности должника по его национальному закону или нет⁵. Цель такого подхода очевидна – защитить добросовестного вексельного приобретателя, который может и не знать об ограничениях, установленных иностранным законом относительно вексельной правоспособности определенного лица. Вместе с тем, как отмечает известный дореволюционный исследователь вексельного права А.И. Улинский, это правило немецкого закона среди юристов продолжительное время было объектом отрицательного отношения; предлагался, в частности, следующий компромиссный вариант: недееспособный иностранец не должен иметь права защищаться против добросовестного приобретателя векселя и его правопреемников⁶. Однако он же отмечает, что желание укрепить доверие к векселям оказалось сильнее⁷. Позднее именно этот компромиссный вариант между преимущественно романским принципом национальности, по которому вексельная правоспособность рассматривалась как составная часть общегражданской, и англо-американским принципом территориальности будет впоследствии положен в основу Конвенции о вексельных коллизиях.

Коллизионный вопрос вексельной правоспособности был предметом внимания и разработчиков Гаагской конвенции об объединении законоположений о переводных и простых векселях 1912 г. Статья 74 Общего вексельного устава предусматривала, что способность обязываться по векселям определяется законом страны, подданным которой является данное лицо. Однако следующая же оговорка сводила на нет весь «унификационный эффект» этого положения: если согласно этому закону нужно руководствоваться законами другой страны, то должны применяться эти последние. Если при этом привести ст. 20 рассматриваемой Конвенции, которая предусматривала, что договорные

---

⁴ Миловидов Н. Вексельное право. С. 45–46.

⁵ Катков В.Д. Передача векселя по надписи (индоссамент). Одесса: Типография «Техник», 1909. С. 373–374.

⁶ Улинский А.И. Очерки вексельного права в его теоретических основаниях, экономическом значении, историческом развитии и современном положении. Курск: Тип. Дома трудолюбия, 1915. С. 272.

⁷ Там же.

государства оставляют за собой право не применять предусмотренные этой Конвенцией начала международного частного права в той мере, в какой это касается обязательства, заключенного за пределами договорных государств, или закона, который бы подлежал применению согласно конвенционным коллизионным нормам, но который не будет отвечать законам одного из договорных государств, то становится понятным, что Конвенция, в сущности, не устраняла конкуренцию между вышеозначенными коллизионными принципами, хотя в целом закрепляла «немецкий» подход к решению данного коллизионного вопроса. Кроме того, ст. 18 Гагской конвенции 1912 г. разрешала каждому договорному государству не признавать действительным вексельное обязательство, принятое подданным данного государства за его пределами, которое было бы признано действительным в пределах других договорных государств лишь на основании ч. 2 ст. 74 Устава, касающейся ограничения принципом территориальности принципа национальности в отношении векселеспособности. Как отмечалось в объяснительном докладе комитета по частному международному праву, данное положение было внесено для обеспечения «охраны национального закона» от его обхода лицами, лишенными векселеспособности⁸.

Согласно абз. 1 ст. 2 Конвенции о вексельных коллизиях, общим правилом в отношении определения способности лица обязываться по векселю является применение его национального закона. Однако отсутствие у лица возможности выступать вексельным должником по его национальному закону еще не означает недействительности вексельного обязательства, принятого на территории иностранного государства: такое лицо несет ответственность по векселю в пределах своей подписи, если подпись была совершена на территории страны, по законодательству которой это лицо было бы способно (абз. 2 ст. 2 Конвенции о вексельных коллизиях); при этом государство вексельного должника, в силу абз. 3 ст. 2 данной Конвенции, оставляет за собой право непризнания действительности обязательства, принятого по векселю кем-либо из его граждан и признаваемого действительным на территории другого государства-участника лишь в порядке применения абз. 2 ст. 2 данной Конвенции.

---

⁸ Нолькен А.М. Объединенное законодательство о векселях (Гагская конвенция 10/23 июля 1912 г.). СПб: Издание юридического книжного склада «Право», Сенатская типография, 1913. С. 87.

В вексельном праве действует презумпция подписания самого векселя в месте его составления, а подписи других обязанных по векселю лиц считаются проставленными в местах, указанных рядом с этими подписями (хотя, например, А.Ф. Федоров считал, что местом возникновения вексельного обязательства нужно считать место, где оно фактически возникло, а не то, которое фиктивно проставлено на векселе⁹). Если же такое место не может быть определено из текста векселя, подпись должна считаться сделанной в государстве личного закона подписанта. Указанный подход относительно альтернативного применения *lex personalis* или *lex loci actus* к вексельной правоспособности в целом отвечает позиции других государств, которые не подписали Конвенцию о вексельных коллизиях (см., напр., ст. 97 Закона КНР «О векселе» 1995 г., ст. 127 Закона Румынии «О международном частном праве» 1992 г., ч. 2 ст. 34 Закона Южной Кореи «О коллизиях законов» 1962 г.).

Относительно формальных условий вексельного обязательства доктрина вексельного права однозначно признает принцип территориальности (*locus regit actum*), согласно которому обязательство должно отвечать формальным требованиям закона государства его возникновения. Как справедливо отмечает А.И. Улинский, поскольку каждая подпись, которая находится на векселе, создает самостоятельное обязательство и ответственность лица, которое его совершило, то вопрос о применении закона в случае коллизии должен ставиться для каждой сделанной на векселе подписи¹⁰. Однако и практическое применение данного принципа не обходится без ограничительных предостережений и зачастую сопряжено с трудностями, обусловленными неоднозначным определением такого места в разных государствах.

Форма, в которой приняты обязательства по переводному или простому векселю, согласно абз. 1 ст. 3 Конвенции о вексельных коллизиях, будет определяться законом той страны, на территории которой эти обязательства были подписаны. Указанная норма имеет отношение к любому вексельному обязательству – не только векселедателя простого векселя или трассанта переводного, а и акцептанта, индоссанта, авалиста векселя. К формальным требованиям относительно векселя принадлежат требования относительно наличия и способа воспроизведения вексельных реквизитов, а также требования по оформлению бланков векселей.

---

⁹ Федоров А.Ф. Вексельное право. С. 103.

¹⁰ Улинский А.И. Очерки вексельного права... С. 274.

Вместе с тем в доктрине вексельного права предлагалось сделать два исключения из правила *locus regit actum*. Во-первых, данный принцип предлагалось для иностранцев (по отношению к стране места выдачи векселя) сделать факультативным, а не императивным¹¹. В этом контексте высказывалась мысль о необходимости размежевания между случаями, когда стороны вексельного обязательства принадлежат к гражданам одной страны (в этом случае принцип факультативности предоставлял бы возможность выбора между выполнением формальных требований по закону места выдачи векселя или по национальному закону сторон) и когда вексельным кредитором выступает гражданин государства места выдачи векселя¹². На такой позиции основывалась, в частности, норма ст. 85 Германского вексельного устава, однако в Конвенции о вексельных коллизиях она не нашла своего практического воплощения.

Во-вторых, как считал С.М. Барац, вексель, который имеет дефект формы по законодательству государства места его составления, мог быть воплощением вексельных обязательств в другом государстве, если, согласно его закону, он отвечал формальным критериям¹³. Иными словами, вексель, составленный во Франции без вексельной метки, мог бы рассматриваться в качестве векселя на территории тех государств, законодательства которых необходимости такого реквизита не предусматривают. Данная позиция была принята за основу при формулировании ст. 83 Устава о векселях Российской Империи в редакции 1902 г., где говорится, что если вексель, выданный за границей, будет составлен согласно правилам этого Устава, то лишь то обстоятельство, что он не удовлетворяет требованиям иностранных законов, не может быть основанием для оспаривания силы векселя в пределах Империи. Подобное по содержанию положение было воспроизведено в абз. 3 ст. 3 Конвенции о вексельных коллизиях, который отнес к компетенции государств-участников возможность ограничения действия территориального принципа в пользу национального относительно формы векселя, предоставив право предписать, что обязательства, принятые по векселю кем-либо из их граждан за границей, будут действительны в отношении другого гражданина на их территории, если

---

¹¹ Миловидов Н. Вексельное право. С. 84.

¹² Барац С.М. Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1893. С. 619.

¹³ Там же.

только эти обязательства приняты в форме, предусмотренной национальным законом.

Следует также указать, что право государства, на которое указывает принцип *locus regit actum*, будет определять не только действительность определенного вексельного акта, но и его квалификацию (например, является ли индоссамент, учиненный на векселе, бланковым или именным), содержание и последствия совершения такого акта (в частности, права и обязанности, которые вытекают из индоссамента, должны определяться правом государства места его совершения). Кроме того, согласно ст. 6 Конвенции о вексельных коллизиях, вопрос о том, приобретает ли держатель переводного векселя право требования, на основании которого выдан документ, также решается по закону места составления документа. В дореволюционном российском законодательстве была предусмотрена возможность соглашением сторон устранить применение *lex loci actus* путем оговорки о подчинении последствий совершения индоссамента другому закону (например, закону места платежа по векселю).

В этом контексте возникает вопрос о формальной действительности вексельного обязательства, которое имеет вексельную силу по законодательству одного государства и не имеет таковой силы по законодательству другого. Например, согласно п. *b*) ч. 1. ст. 9 Закона Англии «О переводных векселях» 1882 г. (далее – английский вексельный закон), документ, который содержит простое и ничем не обусловленное обещание уплатить определенную сумму в рассрочку будет признан простым векселем, а по законодательству стран Женевской вексельной системы – нет. Однако последующее возникновение в рамках этого документа другого вексельного обязательства в приемлемой для закона страны его совершения форме (например, его индоссирование, в нашем случае, на территории Великобритании) неизбежно ставит вопрос о вексельной силе такого последующего обязательства. Согласно ч. 2 ст. 3 Конвенции о вексельных коллизиях, то обстоятельство, что обязательства, принятые по векселю, неправильны в отношении формы, не делает недействительным последующее обязательство, если только они соответствуют законодательству государства, где подписано последующее обязательство. Иная позиция, по мнению А.Ф. Федорова, негативно отразилась бы на оборотоспособности векселей, поскольку в случае выхода векселя за границы того вексельного закона, согласно которому он был выдан, пришлось бы знакомиться с иностранным

вексельным правом, чтобы убедиться, что вексель удовлетворяет формальным требованиям по закону места его выдачи¹⁴. В результате акцептант или индоссант иностранного векселя не может ссылаться на его недействительность, если акцепт или индоссамент имели место на территории государства, право которого рассматривает данный долговой документ в качестве векселя.

Принцип территориальности является определяющим и при решении коллизионного вопроса относительно содержания и осуществления прав по векселю. Правовые последствия принятия обязательства по векселю должны также определяться правом того государства, где они возникли. В частности, им будут регулироваться последствия выдачи векселя, правовое значение разных видов индоссаментов, последствия акцепта переводного векселя, вексельного поручительства, условия вексельного регресса и т.д. Вместе с тем А.И. Улинский обращал внимание на отсутствие специальной коллизионной нормы в этом отношении в национальных вексельных законодательствах, отмечая, что лишь практика установила, что содержание вексельного обязательства должно регулироваться по законам места совершения вексельного акта¹⁵.

Как следует из нормы абз. 2 ст. 4 Конвенции о вексельных коллизиях, содержание вексельных обязательств (кроме обязательств акцептанта) будет определяться по закону той страны, на территории которой были сделаны подписи под соответствующим обязательством. Единственное исключение авторы Конвенции сделали для обязательств акцептанта переводного векселя или лица, подписавшего простой вексель: согласно абз. 1 ст. 4 и ст. 7 данной Конвенции, их действие, равно как и вопрос о допустимости акцепта в части суммы и обязанности векселедержателя принять частичный платеж, будут регулироваться по закону места платежа по этим документам.

От правовых последствий возникновения вексельного обязательства нужно отличать особенности его выполнения – теоретически аргументированной и практически оправданной следует признать позицию отнесения таких вопросов к сфере применения права государства места такого выполнения. Форма и валюта платежа, возможность осуществления частичного платежа, применение грационных периодов, определение дней, в которые платеж не может требоваться, последствия

---

¹⁴ Федоров А.Ф. Вексельное право. С. 106.

¹⁵ Улинский А.И. Очерки вексельного права... С. 276.

пропуска вексельным кредитором сроков для предъявления векселя к платежу – все эти вопросы безусловно относятся к сфере применения коллизионного принципа *lex loci solutionis*.

Конвенция о вексельных коллизиях не формулирует общего правила относительно разрешения коллизионного вопроса, связанного с выполнением вексельного обязательства. Вместе с тем ст. 7 содержит специальное правило относительно возможности принятия частичного платежа, которая должна устанавливаться по закону того государства, в котором вексель подлежит оплате. Предполагается, что сроки, форма и другие особенности осуществления платежа по векселю также будут определяться законом места совершения платежа. Форма и сроки совершения протеста, а также форма других действий, необходимых для осуществления или сохранения прав по векселю, определяются законами той страны, на территории которой должен быть совершен протест или соответствующее действие (ст. 8 Конвенции о вексельных коллизиях). Кроме того, согласно ст. 9, именно закон страны места совершения платежа определяет, какие меры следует предпринять в случае утраты или похищения векселя.

Существенным пробелом Конвенции о вексельных коллизиях является отсутствие положений о разрешении коллизий относительно сроков вексельной давности. Статья 5 Конвенции решает коллизионный вопрос лишь относительно сроков для предъявления иска в порядке регресса, который определяется для всех лиц, поставивших свои подписи, по закону места составления документа. Если же предположить возможность распространения данного положения и на коллизии относительно порядка определения сроков давности, которые погашают прямые вексельные требования, то такую позицию следует признать менее удачной, нежели определение продолжительности сроков вексельной давности согласно закону государства местонахождения должника, к которому предъявляется вексельное требование. На неудачность такого решения указанной коллизионной проблемы обращал внимание и А.И. Улинский, который ставил закономерный вопрос: если вексель был составлен в одной стране, по законодательству которой срок давности вексельных требований истек, то продолжает ли в таком случае авалист, который принял на себя обязательства в другой стране, где вексельная давность является более продолжительной, нести ответственность, если основное вексельное требование уже погашено? Он указывает на отсутствие консенсуса в решении этого вопроса

на доктринальном уровне: одни юристы настаивают на необходимости применения закона места совершения авая, другие считают, что авалист, как обычный поручитель в гражданском обязательстве, освобождается от ответственности при погашении основного вексельного требования¹⁶. В современной доктрине этот вопрос также остается дискуссионным.

В англо-американской системе вексельного права концептуальной основой разрешения вексельных коллизий стало доктринальное представление о векселе как о документе, который олицетворяет собой «совокупность договоров, зависящих от одного основного договора»¹⁷, под которым понимается предполагаемый договор между векселедателем и получателем платежа (в английской теории вексельного права он также именуется «первоначальным договором» (*originating contract*)¹⁸; все другие вексельные сделки (например, акцепт или индоссамент), для целей коллизионного регулирования, рассматриваются как «последующие договоры» (*supervening contracts*)¹⁹, причем «каждый из них может подчиняться разным правопорядкам»²⁰. Именно поэтому английский вексельный закон отверг привлекательную, на первый взгляд, «доктрину единого применимого права» (*single law doctrine*) и «подход взаимозависимости» (*interdependence approach*), приняв за основу концепцию независимости разных вексельных обязательств и взяв на вооружение присущую континентальному вексельному праву «доктрину множественности правопорядков» (*several laws doctrine*), которая является одним из немногих универсальных в мировом масштабе представлений о механизме разрешения вексельных коллизий.

Несмотря на господствующую в английской теории вексельного права «договорную» концепцию правовой природы векселя и активное употребление терминологии договорного права, доктрина «права, свойственного договору» (*proper law of the contract*), в вексельном праве в чистом виде не применяется ввиду объективных трудностей,

---

¹⁶ Улинский А.И. Очерки вексельного права... С. 284–285.

¹⁷ Dicey and Morris on the Conflict of Laws, 13th edn. London: Sweet & Maxwell, 2000. P. 1434.

¹⁸ Chalmers and Guest on Bills of Exchange, Cheques and Promissory Notes, 15th edn. London: Sweet & Maxwell, 1998. P. 560.

¹⁹ Dicey and Morris on the Conflict of Laws. P. 1434.

²⁰ Byles on Bills of Exchange and Cheques / by N. Elliott, J. Odgers, J. M. Phillips. 27th edn. London: Sweet & Maxwell, 2002. P. 376.

связанных с выявлением такого правопорядка для чрезвычайно делокализованного вексельного правоотношения. В доктрине также подчеркивается нецелесообразность применения к форме векселей классической альтернативной коллизионной нормы относительно формы сделок, что может породить проблему квалификации²¹. Выбор правопорядка относительно формы, толкования, прав и обязанностей сторон вексельного правоотношения основывается на других принципах. Так, в Великобритании основным коллизионным принципом, положенным в основу положений ст. 72 английского вексельного закона, согласно которым решаются наиболее распространенные вексельные коллизии, выступает *lex loci actus*, предусматривающий применение закона той страны, где было совершено определенное действие или принято вексельное обязательство²²; именно это право рассматривается как *proper law* для вексельной сделки. По мнению британского исследователя А. Геста, хотя применение принципа *lex loci contractus* и не является безоговорочным, однако он наиболее полно отвечает ожиданиям сторон векселя²³.

Применение принципа *lex voluntatis* в вексельных сделках британским законом прямо не разрешается, но и не запрещается, что обусловило существование доктринальных взглядов относительно правомерности наличия оговорки о применимом праве на лицевой стороне вексельного инструмента, при этом исследователями предлагалось ограничить автономию воли сторон в пользу *lex loci contractus* или *lex loci solutionis*²⁴, а также не принимать во внимание любой выбор права, который не отражен в тексте векселя, равно как и «предполагаемый выбор права» (*implied choice of law*)²⁵.

Важное значение для решения коллизионных проблем в сфере вексельного права имеет и легальное деление векселей на «внутренние» (*inland bills*) и «иностраные» (*foreign bills*). К первой категории английский вексельный закон относит те, в которых и местом выдачи, и местом платежа является Великобритания, равно как и те, которые были выставлены на территории Великобритании на определенного британского резидента; все остальные векселя принадлежат к «иностранным».

²¹ Chalmers and Guest on Bills of Exchange, Cheques and Promissory Notes. P. 561.

²² Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3-х т. Т. 2 Особенная часть: Учебник. М.: БЕК, 2000. С. 399.

²³ Chalmers and Guest on Bills of Exchange, Cheques and Promissory Notes. P. 561–562.

²⁴ Dicey and Morris on the Conflict of Laws. P. 1436–1437.

²⁵ Chalmers and Guest on Bills of Exchange, Cheques and Promissory Notes. P. 562.

Если сравнить спектр вопросов, которые регулируются Конвенцией о вексельных коллизиях и ст. 72 английского вексельного закона, то можно убедиться, что сфера применения ст. 72 является одновременно и более узкой (например, она не решает вопроса вексельной правоспособности), и более широкой, чем конвенционные положения (так, она касается вопроса интерпретации вексельных актов (ч. 2) и порядка исчисления обменного курса в случае, когда вексель выдан за границей в иностранной валюте с местом платежа в данной стране (ч. 4)). Тем не менее даже те аспекты, которые являются общими для обоих нормативных актов, регулируются на принципиально различной концептуальной основе.

Согласно общему правилу ч. 1 ст. 72 вышеупомянутого Закона, формальная действительность векселя определяется законом места его выдачи, а порядок акцепта, индоссамента, акцепта опротестованного векселя определяется законом места совершения такого акта. Для этого правила устанавливаются две оговорки: во-первых, если вексель был выдан за пределами Великобритании, он не будет считаться формально недействительным на том лишь основании, что на нем отсутствует печать, которая требуется согласно праву государства места выдачи; во-вторых, если вексель, выданный за пределами Великобритании, отвечает формальным требованиям британского законодательства для целей обеспечения платежа, он может считаться действительным в правоотношениях между лицами, которые находятся на территории Великобритании.

Таким образом, английское законодательство, как и Конвенция о вексельных коллизиях, устанавливает принцип территориальности в форме *lex loci actus* в качестве исходного начала регулирования формальных условий существования вексельного обязательства. Однако в этом же, на первый взгляд, идентичном конвенционному, положении кроется одно из фундаментальных расхождений англо-американской и женеvской систем вексельного коллизионного права: ч. 1 ст. 3 Конвенции о вексельных коллизиях отсылает к месту *подписания* вексельного обязательства, тогда как английский вексельный закон – к месту *выдачи* векселя. Как подчеркивают британские комментаторы, местом выдачи является место, где состоялось первое вручение (*delivery*), и это необязательно место проставления подписи на векселе²⁶. С точ-

---

²⁶ Byles on Bills of Exchange and Cheques. P. 380; Dicey and Morris on the Conflict of Laws. P. 1440.

ки зрения английской правовой доктрины каждая вексельная сделка, за исключением акцепта, считается заключенной в момент передачи (вручения) вексельного инструмента, что предполагает «переход владения», фактического или предполагаемого; именно поэтому место совершения подписи на векселе не считается его *locus contractus*²⁷. Так, если индоссант присылает индоссированный вексель в определенную страну, то именно она будет считаться местом совершения индоссамента (или местом «заключения индоссаментной сделки» в английской терминологии), место же совершения самого акта не имеет значения для целей коллизионного регулирования. Иными словами, принцип *lex loci actus* в его английском варианте применения к вексельным обязательствам приобретает качественно иное содержательное наполнение благодаря использованию другого локализирующего фактора, который определяет место принятия вексельного обязательства.

Оговорки, сформулированные в порядке исключения из общего правила ч. 1 ст. 72 английского вексельного закона, также подобны конвенционным лишь на первый взгляд. Часть 3 ст. 3 Конвенции о вексельных коллизиях, как отмечалось выше, предоставляет договорному государству право установить, что вексельные обязательства, принятые его гражданином за границей, будут действительными в отношении другого его гражданина на его территории, если только эти обязательства приняты в форме, предусмотренной национальным законом. Квалифицирующие признаки данной оговорки объединяют принципы национальности (вексельное обязательство признается действительным, если его кредитор и должник являются гражданами определенного государства) и территориальности (такое признание гарантируется только на территории данного государства) с общим требованием относительно выполнения местных формальных условий.

Вместе с тем английский вексельный закон предусматривает в п. а) ч. 1 ст. 72, что отсутствие на векселе такого реквизита, как печать, которая, согласно иностранному закону, делает вексель недействительным, не препятствует его обращению и получению по нему платежа на территории Великобритании. В этой оговорке присутствует лишь элемент территориальности, однако и исключение делается только для печати: отсутствие любого другого формального реквизита, который требуется по иностранному закону и не требуется по английскому, не будет представлять собой исключения из правила *locus regit actum*.

---

²⁷ Dicey and Morris on the Conflict of Laws. P. 1438.

Вторая оговорка также имеет свою специфику. Законодатель, ставя действительность вексельного обязательства на территории Великобритании в целом в зависимость от соблюдения формальных требований права Великобритании, тем не менее, устанавливает жесткие пределы такой действительности: во-первых, закон будет признавать действительным вексельное обязательство, лишь если обе его стороны стали его участниками на территории Великобритании (в то время как ч. 2 ст. 3 Конвенции ограничения по субъектному составу неизвестны, а ч. 3 ст. 3 говорит о принятии вексельного обязательства одним из граждан данной страны за границей); во-вторых, вексельное обязательство будет считаться действительным лишь для целей взыскания основной суммы долга по векселю, но не для выдвижения любых других требований; в-третьих, сам вексель должен быть выдан за пределами Великобритании. Невыполнение любого из этих требований делает невозможным применение оговорки; так, если вексель был выдан в Великобритании с местом акцепта и платежа во Франции, а индоссамент, учиненный на территории Франции, признан формально недействительным согласно французскому праву, взыскание платежа на территории Великобритании становится невозможным, даже если вексель в дальнейшем был индоссирован английскому резиденту на территории Англии: прерванная цепочка индоссаментов делает невозможной легитимацию конечного собственника.

Английская судебная практика свидетельствует о соблюдении этой нормы закона. Так, в деле *Koechlin et Compagnie v. Kestenbaum Brothers*²⁸ речь шла о векселе, выставленном во Франции приказу французского гражданина, акцептованном в Англии (плательщиком выступал лондонский банк) и со временем вернувшимся во Францию, где он был индоссирован агентом бенефициария. Когда встал вопрос о юридической силе такого индоссамента, недействительного по английскому праву и действительного по французскому, английский суд расценил его как вопрос формы, которая, согласно ч. 1 ст. 72 английского вексельного закона, должна определяться французским правом, и удовлетворил иск. В деле *Re Marseilles Extension Railway and Land Co.*²⁹, наоборот, форма бланкового индоссамента, проставленного на векселях, выданных во Франции на имя английского трассата, путем совершения которого векселя передавались французским трас-

---

²⁸ [1927] 1 K.B. 889.

²⁹ (1885) 30 Ch.D. 598.

сантом лицу, домицилированному в Англии, не отвечала требованиям французского права. Со временем векселя были на территории Англии индоссированы третьим лицам, которые и выступали истцами по делу. Суд постановил, что держатели векселей имеют право на получение вексельной суммы от акцептанта на том основании, что данные долговые документы, которые отвечали формальным вексельным реквизитам по английскому праву, находились в обращении на территории Англии и удостоверяли обязательства, сторонами которых также выступали резиденты Англии, нужно считать английскими векселями, для действительности которых любой дефект формы определенного вексельного акта, который имел место за границей, не имеет значения. Обоснование такого решения, правда, немного диссонирует с английским вексельным законом, который все же рассматривает подобные векселя как иностранные, но, тем не менее, применение оговорки п. *b)* ч. 1 ст. 72 данного Закона, в сущности, является правомерным.

Следующим коллизионным вопросом, который решается английским вексельным законом, является интерпретация (квалификации) вексельных актов, которые, согласно ч. 2 ст. 72 Закона, должны решаться по праву места их совершения. Данное положение также является воплощением «доктрины множественности правопорядков», поскольку отсылает к *lex loci contractus* каждой из этих сделок. Так, значение оговорки «без оборота на меня» в тексте индоссамента должно определяться по праву государства, в котором индоссант вручил индоссату вексель, а не государства, где была проставлена подпись. Однако квалификация самого векселя как оборотного документа, на который распространяется сфера применения английского вексельного закона, будет совершаться согласно *lex fori*: если документ не отвечает законодательному определению, содержащемуся в законе, и не считается оборотным согласно английским торговым обычаям, один лишь факт признания за ним статуса векселя согласно иностранному праву (праву места выдачи) еще не будет означать его автоматического отнесения к сфере применения Закона³⁰.

Следует отметить, что в доктрине относительно термина «интерпретация» в свете ч. 2 ст. 72 английского вексельного закона нет однозначной позиции: некоторые исследователи трактуют его довольно широко, включая в его объем, помимо собственно вопросов толкования вексельных надписей, также права и обязанности сторон соответствующего

---

³⁰ Chalmers and Guest on Bills of Exchange, Cheques and Promissory Notes. P. 563.

вексельного акта³¹; другие же, напротив, обращают внимание на целесообразность применения принципа *lex loci solutionis* к содержанию и правовым следствиям вексельных обязательств³². Анализ судебной практики обнаруживает склонность английских судей к первой позиции: так, лорд Уилберфорс во время слушаний по делу *Nova (Jersey) Knit v. Kammgarn Spinnerei*³³ указал, что «термин «интерпретация» имеет широкое значение, однако, даже если он и не охватывает вопросов содержания, они должны регулироваться применимым правом, которое в данном случае будет таким же» [т.е. *lex loci actus*]. В решении по делу *G. & H. Montage GmbH v. Irvani*³⁴ также указывалось, что в объем данного понятия входят и права и обязанности сторон, созданные актами выдачи, индоссирования и акцепта векселя. Решая дело *Alcock v. Smith*³⁵ относительно действительности передачи векселя, судья указал, что термин «интерпретация» в ч. 2 ст. 72 вексельного закона достаточно широк и охватывает содержание договора, а потому данное законодательное положение является санкционированием применения принципа *lex loci actus* к содержанию сделки. Важным преимуществом распространения коллизионной нормы ч. 2 ст. 72 английского вексельного закона на вопрос содержания вексельного акта и его материальной действительности является, в частности, отсутствие необходимости в дополнительной квалификации конкретного вопроса как имеющего отношение к материальной или к формальной действительности векселя.

Другие коллизионные нормы ст. 72 английского вексельного закона касаются обязательств держателя относительно предъявления векселя к акцепту или платежу и необходимости совершения протеста (эти вопросы должны определяться правом государства места осуществления соответствующего вексельного акта или места отказа в акцепте или платеже – ч. 3 ст. 72 указанного Закона), порядка исчисления вексельной суммы по векселю, который выставлен за пределами Великобритании, но подлежит уплате на ее территории (такая сумма будет исчисляться согласно курсу, который действует в месте платежа на дату совершения платежа по векселю – ч. 4 ст. 72), а также порядка

---

³¹ Byles on Bills of Exchange and Cheques. P. 381.

³² Dicey and Morris on the Conflict of Laws. P. 1444.

³³ [1977] 1 W.L.R. 713.

³⁴ [1900] 1 W.L.R. 667.

³⁵ [1892] 1 Ch. 238.

определения даты платежа, когда вексель выставлен в одной стране, а подлежит уплате в другой (данный вопрос также будет решаться по *lex loci solutionis* – ч. 5 ст. 72).

В целом можно указать на достаточную ограниченность сферы применения законодательных предписаний и наличие значительного круга пробелов в законодательном коллизионно-правовом регулировании вексельных правоотношений в Англии, которые большей частью восполняются судебной практикой.

Библиографический список

Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3-х т. Т. 2 Особенная часть: Учебник. М.: БЕК, 2000. 656 с.

Барац С. М. Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1893. 792 с.

Катков В. Д. Передача векселя по надписи (индоссамент). Одесса: Типография «Техник», 1909. 390 с.

Миловидов Н. Вексельное право. Сравнительно-критический очерк. Ярославль: Типография Г. В. Фальк, 1876. 200 с.

Нересов Н. О. Торговое право. Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву: Посмертное издание. М.: Типография «Рассвет», 1896. 275 с.

Нолькен А. М. Объединенное законодательство о векселях (Гаагская конвенция 10/23 июля 1912 г.). СПб: Издание юридического книжного склада «Право», Сенатская типография, 1913. 120 с.

Улинский А. И. Очерки вексельного права в его теоретических основаниях, экономическом значении, историческом развитии и современном положении. Курск: Тип. Дома трудолюбия, 1915. 344 с.

Федоров А. Ф. Вексельное право. С приложением высочайше утвержденного, 27 мая 1902 года, Устава о векселях. Одесса: «Экономическая» типография, 1906. 721 с.

Byles on Bills of Exchange and Cheques / by N. Elliott, J. Odgers, J. M. Phillips. 27th edn. London: Sweet & Maxwell, 2002. 625 p.

Chalmers and Guest on Bills of Exchange, Cheques and Promissory Notes, 15th edn. London: Sweet & Maxwell, 1998. 847 p.

Dicey and Morris on the Conflict of Laws, 13th edn. London: Sweet & Maxwell, 2000. 2 Vol. 1622 p.

Mechanisms of the Conflict of Laws Solutions in the International Exchange Law: Experience of the Geneva and Anglo-American Countries (Summary)

Alexander I. Vygovskyy*

This article covers the conflict of laws issues of cross-border transactions with bills of exchange and promissory notes. The author highlights the main groups of the conflict of laws issues arising in connection with the international debt securities transactions and scrutinizes the legislative approaches to their solution in different legal systems. For the purposes of comparison of the main approaches to such regulation the author analyzes the provisions of the Geneva Convention 1930 for the Settlement of Certain Conflict of Laws in Connection with Bills of Exchange and Promissory Notes, UK Bills of Exchange Act 1882, domestic and foreign doctrinal studies. The article places emphasis on the main discrepancies between the regulatory practices in different legal systems concerning the solution to the conflict of laws problems in the highlighted area, as well as provides the extensive comments on their origin.

Keywords: bill of exchange; promissory note; private international law; conflict of laws regulation.

---

* Alexander I. Vygovskyy - LL.M (University of London), Ph.D. (University of Kiev), associate professor at the Department of Private International and Customs Law, Institute of International Relations, Kiev National University. aleks5@ukr.net